

Рашель Мироновна Хин и бегство от «торговки»

Амелия Глейзер

В 1884 году русский еврейский журнал «Восход» опубликовал рассказ молодой писательницы Рашель Мироновны Хин «Не ко двору» – о молодой еврейской женщине, которая разрывается между тщательно взлелеянной русской великосветской идентичностью и смутно осознаваемым еврейским происхождением. Являясь сравнительно новым именем в литературе, Хин не была совсем уж неизвестной в среде московской русской интеллигенции. Будучи дочерью еврейского купца, Хин выросла в Москве, и в социальной иерархии того времени она находилась на одном уровне с такими известными личностями, как, например, Владимир Соловьев, Максим Горький, Леонид Андреев, Иван Тургенев. Молодая писательница была редкой еврейской представительницей русской интеллигенции, существовавшей, по словам Кэрл Бейлин, в промежутке между 1880-ми годами и 1917-м годом¹.

История в рассказе «Не ко двору» начинается с противостояния Сары и ее отца Петра Берга, который сделал все от него зависящее для того, чтобы дочь получила привилегии, полагающиеся образованной русской девушке. По возвращении домой из частной католической школы юная Сара выражает сомнение в том, что они «настоящие» евреи, услышав от одной из учащихся школы, что евреи грязные и, более того, пьют христианскую кровь с мацей. Повзрослев, она заявляет смущенному отцу, что примет крещение.

Спустя четыре года родители Сары умирают, а она по-прежнему учится в школе мадам Роже. Когда одноклассница дает почитать ей Евангелие, Сара находит соответствующий символ для своих страданий: она берет за привычку подниматься еженощно и молиться за спасение души. Постепенно недосыпание и недоедание приводят ее в больничную палату, где ее навещают обеспокоенные одноклассницы. Сара отказывается даже принимать пищу: ведь страдания посланы ей Богом. Наконец, визит учителя французского языка мосье Обера становится поворотным моментом в ее самомучениях. Когда она рассказала учителю, что ее мать-еврейка должна быть в аду, ему удается убедить Сару в том, что если ненависть входит в самую структуру христианства, то оно, должно быть, не дотягивает до ценностей, которые им же провозглашаются. Вскоре Сара не только выходит из замкнутого круга страдания и анорексии, но и принимается активно помогать другим.

Перевод с английского Николая Климчука

Следующий этап в жизни Сары проходит вместе с теткой и сестрой в городе О. И теперь, когда она связала себя обязательством заботиться об улучшении положения угнетенных жизненными обстоятельствами еврейских женщин, она жаждет освободиться от влияния тетки, чтобы уехать и найти работу. Назло тетке, которая из-за буржуазных предрассудков запрещает ей работать, Сара выходит замуж за одного из своих единомышленников – еврейского гуманиста, и пара переезжает в Петербург. В столице Сара сталкивается с новым видом трудностей: ей как еврейке отказывают в работе. Кроме того, муж, удрученный своей неспособностью поддержать жену материально и эмоционально, оставляет Сару одну с ребенком, который умирает от голода.

После такого серьезного удара Сара возвращается к тетке в город О. и вскоре при помощи все того же учителя-разночинца устраивается гувернанткой в богатую семью, живущую в деревне. Эта семья, отказавшаяся от негативного отношения к евреям для того, чтобы взять еврейскую гувернантку, удивлена милотой и изяществом Сары. Перед приездом Сары одна из девочек, которую она должна будет опекать, замечает: *«Знаете, маман, даже лучше, что она жидовка: будет, по крайней мере, знать свое место и не важничать, а то с нашими ведь не оберешься претензий»*². Именно теперь – как гувернантке – Саре окончательно приходится столкнуться с теми негативными стереотипами, которые она принимала на веру в детстве. В результате в момент истины на одном из приемов она отвечает на антисемитскую тираду собственной речью против антисемитизма, произнося которую, открыто репрезентирует себя как одну из презираемых образованных евреек.

При этом именно в период проживания в этой семье Сара влюбляется. Однако брак с женихом-христианином Коломиным потребовал бы от нее крещения, которого она не принимает. Вместо этого она возвращается к своей тетке, где и проживет недолгое время, пока не умрет от болезни сердца.

Вкратце мы можем подытожить, что эта история становления личности описывает борьбу молодой женщины со своей двойной идентичностью – в конце концов, она накопила достаточно сил, чтобы достичь положения, позволяющего ей бороться с окружающими ее стереотипами о «жидовке», однако так и не смогла вести двойное существование, которое позволило бы ей сохранить как цельную еврейскую идентичность, так и возможность вхождения в окружающее ее русское общество.

Дорога с рынка

По мнению Кэрл Бейлин, идея этой истории заключается в том, что «социальная интеграция евреев в интеллектуальную и артистическую среду была далека от завершения»³. Действительно, в своем рассказе Хин жалеет о недостаточной социальной интеграции, которая позволила бы евреям легально со-

хранить достоинство культурной целостности на публичном поприще. Однако я хотела бы в этой истории обратить внимание на те стереотипные представления о евреях, которых главная героиня пытается избегать всю жизнь. Призрак, с которым Сара сталкивается в детстве и которому приходится противостоять будучи взрослой – стереотипный образ не только еврея вообще, но еврея-торговца: *mark-yidene*.

На первой странице, отец героини в разговоре с женой об образовании дочерей, переживает, чтобы их дети не выросли «рыночными торговками»:

*«Мало того, что я бегаю с утра до ночи, хлопочу, наживаю, выбиваюсь из сил, – мне еще нужно заботиться, чтобы дети мои не выросли торговками...»*⁴.

Русская речь отца Сары полна типично еврейских жалобно-виноватых выражений. («Я бегаю с утра до ночи, одетый в лохмотья...»). Хотя особенности речи показывают его еврейское происхождение, судя по смыслу слов, он жалеет о нем. Его речь исполнена чувства вины перед дочерью и беспокойства, чтобы, повзрослев, она не воплотила того, что считается квинтэссенцией еврея в России. Прямое значение слова *«mark-yidene»* – «торговка», и оно относится к низшему слою еврейского населения, чьим занятием является единая географическая сфера рынка и все негативные образы, с этим связанные. Отец Сары принадлежал к поколению, сформированному в процессе модернизации, которое для того, чтобы облегчить вхождение своих семей в европейскую культуру, изначально вынуждено было отказываться от всего того, чем традиционно было для России еврейство.

Несмотря на это, Петр Берг был рассержен и выставил Сару из комнаты, когда та заявила, что не терпит «жидов» и, повзрослев, собирается принять крещение. Из-за дверей героиня слышит, как мать упрекает отца: *«Вот плоды воспитания в чужом доме... иначе и быть не может»*.

Отец Сары больше заботится о ее европейском воспитании, чем о развитии ее еврейских чувств: *«Я хочу, чтобы она свободно владела языками, чтобы у нее были светские манеры; дома она этого приобрести не может»*⁵. То, что Петр Берг намеренно размежевывает еврейский и нееврейский мир, наводит на мысль о его собственном разделении еврейского и русского культурного пространства и о том, что он отдает предпочтение последнему.

Если для отца Сары рынок представляет собой все профанное, грязное и бескультурное, то церковь дает возможность избежать этого. Архитектурный ландшафт в городе или местечке в черте оседлости только усиливал это противопоставление. Чаще всего, располагаясь на одной из сторон рыночной площади, церковь была «очищенным» пространством, чье возвышенное присутствие представляло противоположную сторону «рыночной грязи». Христианская традиция, в свою очередь, напоминает нам об изгнании Иисусом торговцев из храма. Отделяя сакральное от профанного в пределах ритуального пространства, традиция также отделяет евреев от христиан.

Обращение к ученому-славянофилу середины XIX века позволяет ощутить ситуацию еврейских торговцев как позорную. В работе 1858 года об украинских рынках Иван Аксаков описывает расположение палаток, которые, по его словам, эффективно заманивают русских покупателей к еврейским продавцам. Покупатель буквально тонет в мире еврейского шума, товара и цен:

«Вы гоните еврея вон, но он продолжает перечислять свои товары, не слушая вас, начинает раскладывать все припасы своей коробки и большей частью успевает так и соблазнить вас, и вы, браня и его и себя, все же покупаете».

Для еврейских интеллектуалов в имперской России конца века обращение в христианство часто практиковалась как средство вырваться из местечка в город, жениться на нееврейке, получить больше шансов на работу или поступить в университет. Поворот Сары от «базара» к «церкви» и уход в религиозный ритуал связан с ее отношением к собственному телу. Не от иудаизма как от религии отворачивается Сара (будучи дочерью сознательно светского купца, Хин сама почти ничего не знала о традиционном иудаизме). Сара отказывается от еврейского дискурса как задворков русской культуры, того сомнительного образа *mark-yidene*, «торговки», который подстерегает ее под натянутым канатом ее жизни, на котором она балансирует. Рыночный торговец не только грязный и бескультурный, но и ненавистный эксплуататор, ненасытный потребитель. Более того, ребенком, говоря с отцом об образе еврея, Сара верила, что евреи используют христианскую кровь для выпечки мацы. От тревожащей перспективы «рыночной торговки» Сара перешла к образу аскетической христианской страдальницы:

«Когда наступала ночь, все кругом засыпало и в длинном дортуаре раздавалось лишь мерное дыханье спящих девочек, Сара осторожно откидывала одеяло и в одной рубашке, босая, опускалась голыми коленами на холодный пол и начинала отмерять по четкам земные поклоны»⁶.

Не определяясь точно, о чем молиться, Сара шепчет: «Господи, просвети меня, наставь меня на путь истины».

Практикуя этот ритуал и отказываясь позже от пищи в больнице, Сара стремится копировать ранних христианских мучеников. Потребность Сары покаяться в своем еврейском происхождении и найти себя через епитимью и наводит на мысль о Симоне Вайль, которая, по словам Мод Еллман в «Голодающих художниках», решила уморить себя голодом, потому что думала: раз человечество было проклято из-за женской жадности, то оно может быть спасено женской жертвенностью⁷. Так же отказываясь от материального (и, в особенности, от пищи), Сара избавляется от усвоенного образа еврейского эксплуататора, и, таким образом, входит в «храм», или, точнее говоря, в кафедральный собор.

Примечательно, что в начале 1880-х годов, чтобы избежать брака с Соломоном Фельдштейном, сама Рашель Хин переходит в католицизм. *«Католицизм не подходил и, похоже, был второстепенным для идентичности Хин, – пишет Бейлин, – это явствует из того факта, что она ни разу не обраща-*

*ется к нему в своих воспоминаниях»*⁸. Еще более ироничным является тот факт, что когда она выходила замуж во второй раз за Осипа Борисовича Гольдовского, жених, еврей по рождению, обязан был принять христианство, чтобы жениться на ней.

То, что Сара в конце концов так и не крестилась, означает в повествовании переход от культурной идентификации с христианством к культурной идентификации с иудаизмом. Выздоровление от самомученичества и анорексии привело Сару к тому, чтобы поставить свои дарования на службу страдающим еврейским женщинам и к замужеству с Адольфом Леонтьевичем Нордом. Как бы то ни было, когда ей отказывают в месте учительницы в Санкт-Петербурге, она сетует: «...гораздо было бы лучше, если бы выросла я забитой Хайкой среди забитых моих единоверцев»⁹. Еврейство больше не тяжкая ноша Сары, а ее незавидное место в русской культуре.

Роковой разрыв

Итак, хотя героиня теряет желание испытывать долю христианской мученицы, ее путь, описанный в повести, напоминает, тем не менее, христианские жития святых. В то время, когда Сара преодолела свое самомученичество, ее дочь Сонечка, умирающая от голода на груди Сары, искупает пропасть между еврейством матери и обществом, которое из-за этого отказывает ей в поддержке. Образ матери с жертвенным ребенком в чем-то напоминает монтаж двух сюжетов – Богоматерь со святым дитём и скорбная Богоматерь с распятым Христом. Конечно, в санкт-петербургском обществе Рашель Хин жертвенное дитя – маленькая девочка, женский образ Христа, разорванный между образами торговки и образованной русской женщины.

Последняя размолвка с внутренним чувством случается, когда Сара прибывает в город «Н-ск», чтобы работать гувернанткой Серафимы Алексеевны. Ночью к ней приходит призрак бродячего еврея-изгнанника, и она слышит за его спиной антисемитские голоса:

*«Чье это бледное лицо? Ах это несчастный оборванный жид, истерзанный, отовсюду гонимый; его жалкая хата разбита, дочь обесчещена, жена изувечена, убогий скарб пущен по ветру... он в грязи, в крови... «Христопродавец», гогочет толпа... «Эксплуататор»... «Скатертью дорога»...»*¹⁰

Будучи впущенной со своим сомнительным статусом в «кафедральный собор высшего общества», Сара сталкивается с собственным образом вечно блуждающей *торговки*. Именно это внутреннее противостояние помогает Саре открыто выступить против антисемитизма, но в то же время заставляет ее отвергнуть руку Коломина, отказаться от замужества и вернуться в город О.

В некотором смысле, мелодраматическая смерть Сары характеризует ее крайне ненадежный социальный статус. Приняв, наконец, еврейскую идентичность, Сара не может позволить себе принять крещение, но без крещения, по закону, она также не может реализовать свою любовь к Коломину. Она избавилась от «базара», но и осталась без «храма». В конце повествования, обретая ясную идентичность, но оставленная обществом и лишенная эмоциональной поддержки, она следует по необычному пути мученичества. Ее новообращенная вера – не христианство, но и не иудаизм: она происходит от отказа смириться как с еврейскими корнями, так и с русской культурой. Горести жизни Сары выглядят как в житии святых или, если угодно, как в женской русской версии крестного пути. Вначале она борется с антисемитскими стереотипами «эксплуататора», «хриstopродавца» и мучителя христианских детей. Чтобы покаяться в этих каннибалистских (и антихристианских) извращениях «жидов», Сара пытается стать достойной церкви, придерживаясь ритуала отрицания собственного тела через изнурение и даже голодание. В следующем круге страданий она теряет свою дочь, умершую от голода, но на этот раз вызванного не внутренним антисемитизмом Сары, а всеобщим антисемитизмом в Санкт-Петербурге. Наконец, Сара остается наедине с образом бродяги в своем сновидении, и, начиная с этого момента, уже способна противостоять стереотипам окружения. Но именно из-за этого Сара не может больше войти в русское общество и обратиться в христианство, она не может даже выйти замуж по любви. Описывая русскую еврейскую литературу, я испытываю искушение использовать метафору креста, который символизирует соединение двух или больше культур, вместе формирующих идентичность еврейской личности. На фоне этих несовместимых комбинаций осей и происходит то неразрешимое культурное распятие, которым заканчивается история Сары.

1 Выражаю признательность Кэрол Бейлин за сведения о жизни Р. Хин и введение в рассказ, почерпнутые мной в ее книге Carol B. Balin. *To Reveal Our Hearts: Jewish Women Writers in Tsarist Russia* (Cincinnati, Hebrew Union College Press, 2000).

2 Хин Р.М. «Не ко двору», *Восход*, 1884, с. 284.

3 Balin, p. 123.

4 Хин Р.М. «Не ко двору», *Восход*, 1884, с. 203.

5 Там же, с. 210.

6 Там же, с. 211.

7 Maud Ellman, *The Hunger Artists: Starving, Writing and Imprisonment* (London: Virago Press, 1993), p. 46.

8 Valin, p. 123.

9 Хин Р.М. «Не ко двору», *Восход*, 1884, с. 237.

10 Там же, с. 286.